
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ТЕКСТАХ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА: КРИТИКА И СМИРЕННОСТЬ

А.В. Скиперских

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: *В данной статье показывается, как могли восприниматься политические институты в текстах русского философа В. Розанова. Противоречивость розановской мысли, в принципе, может опровергаться при внимательном знакомстве с его политическими фигурами. Несмотря на существующий стереотип по поводу розановской нервной и клочковатой манеры письма, рассуждения интеллектуала по поводу политических институтов являются довольно последовательными, а политическая позиция — чёткой и определённой.*

Практически везде В. Розанов позиционирует себя как человек государства и его преданный интеллектуальных охранитель. Отношение В. Розанова к самим политическим институтам либо наращивается, либо уменьшается в зависимости от позиции самого института в политической системе.

Ключевые слова: *власть, государство, политический институт, интеллектуалы, Розанов.*

Политическая сфера не может оставить равнодушным интеллектуала. Постоянное ощущение собственной встроенности в политический контекст, а также динамизм политики, смена диспозиций политических сил перед новыми электоральными циклами, политические конфликты и скандалы, постоянные искушения получить от власти определённые предпочтения при сохранении при этом некоторой независимости — всё это может быть чрезвычайно интересно для интеллектуала. Провокативный характер политики, её текучесть и изменчивость могут иногда совпадать с неким тактическим позиционированием интеллектуала, либо, наоборот, вступать в диссонанс с его цельной и организованной натурой. В любом случае, важен сам факт того, что, зачастую, помимо сферы собственных профессиональных интересов, интеллектуал ещё и готов позиционироваться в публичном пространстве как некий носитель экспертного знания. Он с удовольствием участвует в политическом дискурсе, наполняя его смыслами, либо, наоборот, извлекая из него некие послылы. Для этого им выбираются различные стратегии — от критической рефлексии, недоверия и постоянного сомнения во всём, что касается сферы политического — до неких манифестаций лояльности и преданности, предполагающих легитимацию существующего политического порядка. Интеллектуал может

быть довольно гневным и обличительным в своих текстах, и вскоре, наоборот, довольно кротким и смиренным.

Кажется, что применительно к русской культурной традиции в меньшей степени возможна рационализация всего этого, проявляющаяся в достаточно спокойных и нейтральных авторских текстах. Наоборот, для русского интеллектуала подобная рациональность в поведении кажется как будто неприемлемой.

В полной мере это относится и к Василию Розанову — яркому представителю русского интеллектуального ландшафта конца XIX — начала XX века.

В данной статье, на примере текстов В. Розанова мы попытаемся рассмотреть, как могли разниться его оценки политических институтов, и как часто самому интеллектуалу приходилось сменять гнев на милость в отношении тех или иных институтов политической системы. Есть ли в этом какая-либо закономерность? На данный вопрос мы также попытаемся найти ответ. С определённой долей условности представим данные институты как *СМИ, государство, армия и царь*.

Творческий дар В. Розанова легко находит утверждение в журналистике. Именно здесь как раз и требуется то острословие и та ироничность, с которыми В. Розанов легко совладевает. На наш взгляд, следует согласиться с А. Варламовым, отмечавшим, что В. Розанов, как «автор журналов с противоположными политическими позициями, человек, взбаламутивший общественное сознание своими ни на что не похожими книгами, едва не отлученный от церкви горячий христианин и печальный христородец был по натуре великим подстрекателем и провокатором» [Варламов 2002].

Видимо, отсюда и проистекает особый интерес интеллектуала к институту СМИ, всегда, с тобой или иной успешностью проводивших в сознание аудитории смыслы и нарративы власти, равно, как и противостоявшие этой тотализации. Наверное, СМИ должны быть также подвижны, остры и сатиричны, как сам В. Розанов. Постоянная смена планов и отсутствие всяких авторитетов кажется вполне приличным стилем. В воспоминаниях А. Белого как раз вспоминается расположенность В. Розанова к подобному поведению: Белый: «при встрече меня он расхваливал — до неприличия, с приторностями, тотчас в спину ж из «Нового времени» крепко порою отплёвывал» [Белый 1990: 480].

Восприятие институтов для В. Розанова полностью связывается с их социальным и интеллектуальным контекстом. Иными словами, от того, кем они представлены, и будет зависеть перспектива легитимации самого института. Так, по мнению интеллектуала, СМИ — оптимальное место для трудовой деятельности Добчинских. У В. Розанова — это такой собирательный образ. Его частое обращение к текстам Н. Гоголя постоянно подтверждается какими-либо весьма убедительными метафоризациями.

Отношение В. Розанова к институту СМИ уже будет вполне симптоматичным. Ведь там работают его «любимые» Добчинские и прочие характерные типажи, откровенно не блещущие каким-то завидным интеллектом и позитивностью. Вообще, В. Розанов как-то выскажет-ся о мертвенности гоголевских героев, их некоей громоздкости и безжизненности: «Добчинского, если б он жил в более «граждански-развитую эпоху», — и представить нельзя иначе, как журналистом, или, ещё правильнее — стоящим во главе «литературно-политического журнала; а *Ноздрев* писал бы у него передовицы» [Розанов 1990: 44].

Видимо нет необходимости представлять, какую общественную угрозу они в себе таят, потому как бережно охраняют свою институцию от романтических натур, считающих институт СМИ неким шансом для самовыражения, для восстановления поруганной справедливости. Проблема восприятия института СМИ В. Розановым остаётся актуальной и применительно к современной России. Сложно представить какую-нибудь муниципальную газету без Добчинских — именно они и представляют её истинное лицо. Какой интересный образ находит В. Розанов при этом в «Уединёном»: «*Печать* — это пулемёт, из которого стреляет идио-

тический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Или не доберутся *никогда*» [Розанов 1990: 84].

Пресса — рупор различных политических сил, постепенно нарождающихся в России, а также их важный ресурс политического влияния. «Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса». Целое издательство — «Скорпион». Ещё какое-то среднеазиатское насекомое (был журнал). «Шиповник». И все жалят «Россию». «Как бы и куда ей запустить яда» [Розанов 1990: 265]. Некоторый скепсис интеллектуала легко перепроверяется хотя бы по его некоторому предубеждению в отношении человека, требующего себе поутру вместо книги — газету. И если книга — дорога, либо «должна быть дорогой», газета, наоборот, больше дешёва. Отчасти, и из-за той незначительности и конъюнктурности информации, содержащейся в ней.

Возможно, в данном издательском многообразии как раз и скрывается опасность. Отсюда, видимо, отправляются истоки розановского скепсиса в отношении политических партий, и представляемых ими различных идеологических версий. В. Розанов узнаёт о политических текстах как раз с помощью прессы, повергающей его в сомнение и растерянность. Он сердится на радикалов в «Уединённом», считает социализм временным и приходящим явлением в «Опавших листьях»: «Социализм пройдёт как дисгармония» [Розанов 1990: 104].

Интересно, то подобная рефлексия В. Розанова отмечалась в момент роста интереса к социалистическим политическим и партийным проектам. Видимо здесь сказывается розановский консерватизм. В социалистических вызовах есть какая-то шалость, мальчишество, которые совершенно неприемлемы для серьёзного интеллектуала, мыслящего государственными интересами. Хотя, парадоксальность В. Розанова заявляет о себе в другом тексте: «Люблю ли я консерваторов? Нет». Однажды В. Розанов признается, что с консерваторов сложно получить гонорар. Конечно, это не может устроить нуждающегося интеллектуала [Розанов 1990: 80].

Сложные отношения В. Розанова с либеральной аудиторией также не могли стать какой-то неожиданностью, несмотря на добротные оценки самого либерализма: «в либеральной школе моего сына не выпорют, а научат легко и хорошо <...> либерализм есть английский чемадан, в котором «всё положено» и «всё удобно» [Розанов 1990: 188].

В целом, сложные отношения В. Розанова с аудиторией, вне зависимости от её политических предпочтений, не ускользает от внимания некоторых авторов, считавших, что он «настроил против себя все основные категории потенциальных читателей» [Фатеев 2011].

Видимо, основная претензия В. Розанова к политическим партиям заключается в том, то они притязают на порядок, внося дисгармонию в весьма устойчивую государственную конструкцию. «Русская печать и «общество», не стой у них поперёк горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию, и роздали бы эти клоки соседям», возмущается В. Розанов в «Опавших листьях» по поводу ситуации с восприятием политическими партиями и ориентированными на них СМИ военно-политических проблем России. [Розанов 1990: 163]. Причём, на государственную целостность и гармонию притязает не кто-нибудь, а сам «вонючий разночинец с ненавистью, завистью, грязью» [Розанов 1990: 149]. Вот этого В. Розанов допустить уж точно не может! Как это так! Подпольный человек Достоевского заявляет о себе не только в узком локусе, но и в рамках всего государства. Для Розанова это, безусловно, труднодостижимо.

Здесь В. Розанов озадачен проблемой государственной целостности, жизнеспособности империи, которая всячески расшатывается с помощью многочисленных политических акторов в узкокорыстных интересах последних. Следует понимать, что в тот момент времени сложно было говорить о политической конкуренции в том смысле, в котором мы понимаем этот процесс сегодня. Правда, формула определения устойчивости государства остаётся достаточно стабильной. Политическая конкуренция не во всех политических системах может восприниматься позитивно — в случае с позицией по этому вопросу В. Розанова, есть ощу-

щение, что интеллектуала могли смущать попытки некоторых политических сил расширить своё собственное влияние. Как уже отмечалось, зачастую, эти политические силы воспринимаются В. Розановым через контролируемые ими издания, и, стало быть, через журналистов, работавших в них, что моментально вызывает у интеллектуала эмоциональный «взрыв». Кому, как не ему — утончённому наблюдателю и психологу — знать своих коллег по журналистскому цеху, и давать им характеристики, проецирующиеся на политические институты, интересы которых они обслуживают?

В «Манипуляции сознанием» С. Кара-Мурза обращается к В. Розанову именно в контексте данного примера, отмечая при этом, что одним из условий успешной революции выступает отщепление активной части общества от государства. Предполагается, что человек, готовый противостоять государству изначально испытывает необходимость сатисфакции поруганного достоинства и восстановления справедливости из-за чрезмерного давления власти» [Кара-Мурза 2005].

Вот этот момент и беспокоит В. Розанова. Партии провоцируют общество на критическое восприятие государственной машины, создавая ненужное брожение в обществе, они усиливают раскол, им выгодно расстроить существующий консенсус.

Хотя, В. Розанов не отрицает необходимости в дискуссии между политическими акторами, в рамках которой могут *услышать* друг друга «ксендз и мулла». Российский парламент — Государственная дума, по мысли писателя, должна стать местом, где лицом к лицу встретятся Царь и народ, где «умирится многое, сполируются острые края, улягутся противоречия...» [Розанов 2003: 64]. Безусловно, восприимчивое отношение интеллектуала к критике государства разночинцем, вызывает справедливый скепсис по поводу качества самой дискуссии между государством и её критиками. На наш взгляд, её продуктивность кажется весьма сомнительной, что спустя 100 лет, в 2000-х гг. как-то подтвердил спикер Государственной думы ФС РФ Б. Грызлов в своей известной фигуре по поводу неприемлемости дискуссии в Государственной думе.

В целом, довольно симптоматичное отношение В. Розанова к институту СМИ, видимо, во многом связывается с дефицитом его (института) политической позиции. Несмотря на кажущуюся манеру В. Розанова в стремлении клеймения авторитетов и поиска в их позиции уязвимых моментов, всё-таки находятся более или менее влиятельные политические инстанции, в отношении которых может проявляться розановский консерватизм. Так, куда более почтительно отношение В. Розанова к государству. *Институт государства* для В. Розанова, безусловно, представляет собой один из самых важных политических институтов. Политическое кредо В. Розанова легко перепроверяется по одному только дневниковому признанию 1914 г.: «Моё дело любить государя и повиноваться ему» [Розанов 1997: 200].

Интеллектуал как бы изначально отказывается от всяких претензий на самостоятельный поиск истины неправовыми способами. Он — кроток и благодарен государству. Его интересы в большей степени сосредоточены на сфере частной жизни. «Такого «мирного жителя» дай Бог всякому государству», — откровенничает он в одном из своих текстов [Розанов 1990: 166].

В. Розанов, тем самым, будто отказывает себе в самостоятельности принятия политических решений, оставляя их за политической и репрессивной машиной. Интеллектуал не притязает здесь на какие-то права. Доверие с его стороны к государственной машине практически безусловно. С государством нельзя вступать в дискуссии, потому как оно сильнее — для Розанова очень важно ощущение собственного дефицита позиции, не позволяющего ему говорить на равных в тот момент, когда диалог изначально не представляется перспективным.

Действительно, государство вбирает в себя практически всё, и едва ли оставляет человеку свободный люфт. В работе «О понимании», государство В. Розанова есть сумма девяти государственных органов, чутко приспособляющих себя к розановским «терминам» — безопасности, порядку, достатку, справедливости и т. д. [Зябликов 2004].

Следует отметить, что впереди в рассуждениях В. Розанова вполне конкретные и очертаемые установления — безопасность и порядок. Вот, кажется, где государство получает шанс быть раскрытым в своём институциональном политическом дизайне. Именно в данных дискурсах оно и захватывает индивида, не оставляя ему выбора. А для такого рефлекторного и нервного интеллектуала, как В. Розанов, вопрос собственной безопасности оказывается едва ли не одним из самых важных. И если найдётся такая сила, которая решит эту проблему, то кажется, интеллектуал будет готов с благодарностью внимать ей. Такая сила находится. Для В. Розанова — это государство.

Государство — аппарат насилия и принуждения, и Розанов ни в коем случае не опровергает данный тезис. Несмотря на свою текучесть и парадоксальность, отношение к государству как к политическому институту у В. Розанова остаётся ровным. Видимо, ответы можно искать и в определённой законопослушности В. Розанова, не решающего оспаривать право государства на формулирование смыслов, и даже ещё раньше, в некоем нежелании сопротивляться властным инстанциям в целом. Для В. Розанова, видимо, характерно прислушиваться к сильной стороне — институт государства как раз и выступает такой стороной. Если В. Розанов и готов бунтовать, то только в определённых кругах, достаточно чётко понимая себе риски критики и определяя при этом круг потенциальных защитников. Взять хотя бы гимназическое руководство в Ельце. Именно к руководству (как власти) может апеллировать В. Розанов в тот момент, когда его достоинство подвергается унижению. Здесь, на наш взгляд, весьма показателен случай с молодым и дерзким гимназистом М. Пришвиным. Начальство занимает сторону В. Розанова, то есть, как бы не подводит его ожидания. Кстати, В. Розанов периодически откровенничает в своих текстах насчёт подобной патерналистской слабости.

Институт армии здесь представляется важной частью политической системы и государственного тела, в задачу которой ставится безопасность государства, предохранение его от политической делегитимации. Защищая государство, именно данный институт призван «ломать кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха» [Розанов 1990: 171].

Несмотря на свойственную В. Розанову неровность в рассуждениях, и, как отмечает В. Синявский, «Розанов пишет не афоризмами, а клочками афоризмов, и сохраняет эту „клочковатость“ мысли и стиля» [Синявский 1999: 181]. Подтверждением этого могут выступать частые апелляции В. Розанова к различным политическим силам, историческому процессу, часто «разбавляющиеся» личными откровениями. Оперирование подобными технологиями в письме есть важный механизм самопрезентации, безусловно подкупающей аудиторию (что важно для эпатирования интеллектуала), и позволяющей решать задачи политической легитимации [Скиперских 2005: 59–61].

Правда, при этом, сложно не заметить, что, несмотря на постоянные паллиативы В. Розанова, тема ключевой и системообразующей роли государства не подвергается сомнению. Центральная идея остаётся непоколебимой. Функция института армии не может осмысливаться иначе, чем служение государству. Военные должны служить государству, выступая его телохранителями в тех ситуациях, отмечает В. Розанов в «Мимолётном», когда «несчастливые жители государства или «подобного отечества» находятся в состоянии постоянного желания восстать» [Розанов 1997: 409–410].

Показательна его фигура и по поводу того, как должен вести себя офицер в ситуации измены: «Изменники подзуживают солдат не повиноваться, когда офицер пьян, когда офицер — трус. Хотя, „офицер“ не может быть трус. Во всех подобных случаях пьяный или трусливый офицер должен расстрелять солдата и критика и тем — спасти отечество. Самому же — отправиться на гауптвахту» [Розанов 1997: 220].

Розанов — сторонник жёсткой руки. Его стиль хоть и предполагает некий троллинг, насмешку, но, тем не менее, он полностью готов оправдать и авторитарный откат. Революцион-

ные схемы он не принимает. В них нет смысла, потому власть уже есть, и её следует терпеть. «Навести жерла на весь этот маскарад и озорство и испепелить всё... всех...», — вот какое должно быть решение проблемы всех политических карнавализаций [Розанов 1997: 222]. У представителей власти не должна дрожать рука в тот момент, когда следует наводить порядок.

Некоторые авторы склонны поспешить за рассуждениями В. Розанова о бездушности государства, дабы увидеть критическое начало самого розановского тезиса. Видимо, их провоцируют на это частые метафоризации государства с армией и её социальным срезом. В этом им видится некая второстепенность государства в отношении к более душевному и интимному — обществу [Сорокопудова 2012: 106]. Правда, в то же время, воспринимая государство как политический институт с его вполне конкретным функционалом, нельзя не отмечать его принципиально важного значения для В. Розанова. Он не даёт слабину в своих рассуждениях, позволяющую заполнить её контраргументами.

Но если государство бездушно и опосредовано, то всё равно есть кто-то подвижный и тёплый. Для В. Розанова это сам государь. Монарх. Царь.

Некая двойственность в восприятии В. Розановым института государства и самого государя имеет и теоретическое разрешение, некогда становясь предметом обсуждения в тексте Э. Канторовича «Двойное тело короля». Тело короля оказывается двоичным — вечным в юридическом смысле (монаршее правление, законы, предписания и т. д.), и смертным в физическом смысле [Kantorowicz 1957]. Таким образом, государство срачивается с самим государём, и наоборот.

Разумеется, постижение подобной дуальности, а также самой трансмиссии функционирования власти в государстве, может ускользать от понимания обычного подданного. Даже если им предстанет вдруг сам интеллектуал. Даже ему не всегда суждено разобраться в сложном государственном механизме и включённости в него человеческого фактора. По этому поводу В. Розанов выскажется вполне определённо, не притязая на детализированное политическое знание: «Государи представляют собой не только «форму величия», существо «в мундире и тоге», но и что-то глубоко человеческое и высокочеловеческое, но чего мы не знаем по страшной удалённости от них, — потому что нам кроме мундира ничего не показано» [Розанов 1990: 113].

Для В. Розанова царь — архитектор государства, который «собрал Русь. Устроил Русь. Как мне ему не повиноваться. Я пыль» [Розанов 1997: 520]. Институт государства и царя конструируется философом так, как он представляет их себе, как координирует и устанавливает себя в системе власти. Если он не имеет возможности инкорпорироваться во власть, а в монархических системах такая возможности исключена, значит, ему приходится оставаться стойким оловянным солдатиком, беззаветно служа ей. Возможно, именно отсюда могут исходить периодические рассуждения интеллектуала об армии и её функциях, которые следуют обычно за рассуждениями о государстве. Как мы видим, противопоставление царя и простолюдина снова находит достаточно уничижительные метафоризации, как и в прошлом противопоставлении «мундира» и «тоги».

Казалось бы, характерная для В. Розанова спонтанность и клочковатость выражения, может привести его к иным оценкам, поколебать его категоричность и оценочный ситуационизм. Однако, уважительное отношение к фигуре царя легко перепроверяется и на примере других очень комплиментарных фигур философа: «Царь строил Россию, но и Россия строила царя. И как трудно поколебать Россию, так же трудно поколебать царя», или «Царь, что Солнышко: то сияет, то скроется. Так и день: то ясный, то хмурый» [Розанов 1997: 445].

Царь (государь) для В. Розанова фундаментален, именно он центрирует политический порядок, пронизывая его своими предписаниями, имеющими едва ли не силу высших законов. Царь и его институт наделены божественным смыслом, что, безусловно, увеличивает значимость верховной власти в глазах богобоязненной части населения. В принципе, В. Роза-

нова сложно сколько-нибудь определённо отнести к ней. Легитимация государства и царя интеллектуалом может иметь и несколько иные основания, скорее политические, нежели религиозно-мистические.

Представленные оценки В. Розанова по поводу политических институтов, несмотря на их спорадичность и сложность в причинно-следственном установлении, в целом, наверное, соответствуют его отношению к ним. Восприятие политических институтов интеллектуалом во многом является производным от той позиции, с которой сам интеллектуал пытается их определять. На наш взгляд, применительно к В. Розанову, его пиетет в восприятии политических институтов наращивается снизу — вверх, в зависимости от места института в политической системе, а также его значимости и функциональности. Отсюда, нет ничего удивительного в той почтительности и осторожности в определении своей позиции в отношении института государства и его репрессивных структур, и гораздо более пренебрежительному, и даже уничижительному отношению к институту СМИ и его представителям.

Отсюда, на наш взгляд, учитывая личность Василия Розанова, а также особенности его позиционирования в интеллектуальном пространстве России конца XIX — начала XX века, восприятие им политических институтов не кажется сколько-нибудь неожиданным. Оно вполне естественно. В. Розанов должен эпатировать и заставлять задумываться при этом. В. Розанов как интеллектуал не может оставаться вне политики, не используя свой замечательный талант для концептуализации тех или иных политических явлений. Политика схватывает все сферы общественной жизни, и периодические возвращения философа к политическому дискурсу ставит диагноз неизбежности присутствия интеллектуала в прямых, либо опосредованных диалогах с государством в целом.

Обращение к тестам В. Розанова показывает его неоднозначную позицию в отношении политических институтов, разрывающуюся от презрения и уничижительности, когда интеллектуал отмечается критической отповедью — до спокойного и почтительного признания в тот момент, когда В. Розанов становится смиренным. Критика и смиренность — две крайности восприятия политического в целом, и у В. Розанова не получается избежать этих крайностей. Возможно, позиция В. Розанова является вполне симптоматичной применительно к самоопределению интеллектуала в политической системе в целом — излишней требовательности и придирчивости к равным себе, и почтительного и опасливого отношения к сильным мира сего.

Белый А. 1990. *Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2.* — М.: Художественная литература.

Варламов А. 2002. *Пришвин, или Гений места.* — Доступно: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html>. — Проверено: 10.02.2016.

Зябликов А.В. 2004. «Идеальное государство» в консервативно-либеральной транскрипции В.В. Розанова. — *Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук.* — № 1–2.

Кара-Мурза С. 2005. *Манипуляция сознанием.* — М.: Эксмо.

Розанов В. 1990. *Уединенное.* — М.: Политиздат.

Розанов В.В. 1997. *Собрание сочинений. Когда начальство ушло...* — М.: Республика.

Розанов В.В. 2003. *Собрание сочинений. Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг.* — Т. 15. — М.: Республика.

Синявский А. 1999. *Опавшие листья Василия Васильевича Розанова.* — М.: Захаров.

Скиперских А.В. 2005. *Технологии политической легитимации.* — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина.

Сорокопудова О.Е. 2012. В.В. Розанов как политический мыслитель: портрет на фоне эпохи. — *Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки.* — № 2. — С. 104–109.

Фатеев В.А. 2011. Публицист с душой метафизика и мистика. — *В.В. Розанов: Pro Et Contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Книга I.* — Доступно: <http://www.fedy-diary.ru/html/062011/23062011-02a.html> — Проверено: 10.02.2016.

Kantorowicz E.H. 1957. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology.* — Princeton, NJ: Princeton University Press.